

Ж. И. Виршич

**ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ЗАЩИТЫ
ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Проблеме взаимоотношений между человеком, обществом и государством, а также их реализации в уголовно-процессуальной области всегда уделялось внимание в научной литературе. Одни авторы рассматривали данную проблему с позиции уголовного судопроизводства и места в системе принципов правосудия¹, другие – в аспекте защиты конституционных прав человека². Эти вопросы по-прежнему актуальны в связи со вступлением в действие нового законодательства: гражданского процессуального, уголовного, уголовно-процессуального и др.

Целью данной статьи является сравнительный анализ конституционных положений о правах и законных интересах человека и Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь, а также исследование воздействия общеправовых положений, закрепленных в Конституции, на систему принципов правосудия по уголовным делам.

Необходимость рассмотрения данных вопросов вызвана тем, что ни в законодательстве, ни в юридической литературе нет единообразного определения понятия принципов, дискуссионным остается и вопрос о системе принципов правосудия по уголовным делам. Научные исследования в этой области активно велись в 1980–1990 гг. В связи со вступлением в силу нового УПК Республики Беларусь, который содержит гл. 2 «Задачи и принципы уголовного процесса», возникла необходимость в дальнейших научных исследованиях.

Правосудие по уголовным делам как вид государственной деятельности осуществляется на основе принципов – общих положений, отражающих существо правосудия. Исследование правовых норм о защите прав и интересов человека как основы, главной составляющей общеправовых принципов можно проводить исходя из трех аспектов: международного, конституционного и национального законодательства. Важно осуществить сравнительный анализ конституционных норм с действующим уголовно-процессуальным законодательством.

В юридической литературе нет единого мнения по проблеме классификации принципов. С. В. Борико классифицирует (распределяет) все принципы по двум группам: 1) конституционные (установленные Конституцией Республики Беларусь) и 2) специальные (установлен-

ные УПК и другими законодательными актами). Говоря о значении такой классификации, он указывает, что «с ее помощью раскроются место, соотношение и роль каждой группы принципов в общей системе»³. Однако вопрос о классификации принципов, именно с позиции их закрепления в законодательных актах, исследован уже давно, и большинство позиций ученых сводится к тому, что принципы уголовного процесса равновелики и едины⁴. Различаясь содержанием и характером правовых требований, они образуют систему однопорядковых структур. Субординационные связи существуют при дифференциации принципов на общеправовые, межотраслевые и отраслевые и основаны на различии сфер, регулируемых принципами общественных отношений.

Такую же сущность, но в новом аспекте исследования излагает А. В. Гриненко, подчеркивая, что существует не одна система принципов, а как минимум две – абстрактная и реальная. При этом абстрактная система уголовно-процессуальных принципов распространяет свое влияние на все уголовно-процессуальное законодательство, а реальные системы принципов являются результатом применения абстрактной системы при производстве по каждому конкретному уголовному делу. Из данной посылки А. В. Гриненко делает вывод о значимости каждого принципа: «Если рассматривать абстрактную систему уголовно-процессуальных принципов, то следует признать, что все они равновелики, так как представляют собой нормативные предписания, предназначенные для наиболее полного урегулирования ситуаций, возникающих при движении уголовных дел. В случае же исследования реальной системы принципов проявление отдельных ее элементов может быть условно описано в виде подчиненного либо главенствующего положения среди других»⁵.

Хотя автор предлагает при решении вопроса о значимости принципов оговаривать, о какой именно системе – абстрактной или реальной – идет речь в работе, его позиция о выделении бесконечного количества реальных систем принципов не убедительна. Он сам отмечает, что проявление отдельных элементов реальной системы может быть только условно описано в виде подчиненного либо главенствующего положения. Кроме того, в результате проведенного исследования он предлагает единый вывод: «Будучи интегрированы в единую систему, принципы равнозначны, имеют одинаковую правовую природу и подчинены единой цели производства по уголовному делу»⁶. Как видим, данный вывод уже не содержит никаких ссылок ни на аб-

страктную, ни на реальную системы принципов, а указывает на единую систему, в которой принципы равнозначны.

Позиция А. М. Ларина по вопросу о значимости принципов заключается в том, что разделение принципов уголовного процесса на конституционные и специальные ведет к ошибочным выводам, что какой бы ни была юридическая форма закрепления принципов, они всегда выступают в качестве норм общего и руководящего значения. Место каждого принципа в совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных положений не должно определяться исходя из источника его нормативного закрепления⁷. Все принципы по существу имеют конституционное значение. Поэтому неправомерно оспаривать их правовую равноценность, устанавливать верховенство одних над другими. Каждый принцип служит основой для регулирования вопросов, возникающих в соответствующей сфере. И. В. Тыричев правильно отмечает: «Для принципов не существует шкалы деления на более или менее важные. Начало, имеющее цену ниже другого, не может входить в процессуальную систему равновеликих, однопорядковых структур»⁸.

Правосудие по уголовным делам – это лишь часть уголовно-процессуальной деятельности. Из принципов, действующих в области уголовно-процессуального права, вытекают принципы правосудия по уголовным делам. Для конструирования системы принципов правосудия по уголовным делам необходимо учитывать, что она включает общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы. Подобная классификация выражает собой их связь как соотношение общего, особенного и отдельного. Общеправовые принципы характерны для права в целом и отражены в той или иной мере во всех его отраслях. Они закреплены в Конституции, определяют характер всей системы права и вытекают из специфики общих отношений, урегулированных правом. Межотраслевые принципы свойственны нескольким отраслям права вследствие их тесной взаимосвязи. К ним относятся, например, принципы правосудия, закрепленные в нормах, регламентирующих судоустройство, нормах гражданского процессуального и уголовно-процессуального права. Отраслевые принципы присущи только одной отрасли права. Это, в частности, принципы уголовно-процессуального права. Закрепленные в его нормах, они служат базой для расследования и рассмотрения уголовных дел. Кроме этого, отдельные авторы вычленяют принципы правовых институтов, групп норм права⁹. Понятие «принцип уголовного процесса» по своему содержанию шире понятия «принцип правосудия по уголовным делам». Реализация право-

судия – заключительная часть уголовного процесса, охватывающая судебные стадии.

Между общеправовыми, межотраслевыми и отраслевыми принципами права существует прямая и обратная связь. Общеправовые принципы влияют на формирование отраслевых, а отраслевые – на становление и функционирование общеправовых. Ни один из принципов указанных групп не существует изолированно. Общеправовые принципы служат базой для формирования остальных групп принципов права и, являясь принципами наибольшей общности, с одной стороны, преломляются не иначе как в отраслевых принципах применительно к особенностям предмета и метода правового регулирования конкретного вида общественных отношений, с другой – аккумулируют в себе все отраслевые принципы как составные элементы. Практическая реализация общеправовых принципов в регулировании общественных отношений не может быть осуществлена без их конкретизации в межотраслевых и отраслевых принципах права. В систему общеправовых принципов должны входить такие из них, которые были бы специфичны для права в целом. Общие принципы права не должны дублировать его функций, задач, презумпций и т. д.

Для определения системы принципов уголовного судопроизводства необходимо выяснить вопрос о том, воздействуют ли общеправовые принципы на сферу правосудия по уголовным делам непосредственно или через специфические принципы данного вида правосудия.

В юридической литературе одни авторы стремятся отыскать лишь специфические принципы правосудия по уголовным делам¹⁰. Другие считают, что в сфере правосудия действуют общеправовые принципы и специфические, отраслевые принципы¹¹. М. А. Чельцов, А. С. Кобликов полагают, что принципами правосудия являются и действующие в его сфере общие принципы права, поэтому принципы правосудия следует делить на общеправовые и специфические (отраслевые)¹². По данному вопросу обоснованной является позиция В. Н. Бибило, которая считает, что в каждом отраслевом принципе можно найти черты всех или большинства общеправовых принципов. Это, однако, не дает основания полагать, что в правосудии по уголовным делам «в чистом виде» действуют общеправовые принципы, и включать их в систему принципов правосудия¹³.

Некоторые авторы выводят не одну, а несколько систем принципов. А. В. Гриненко, как было отмечено выше, указывает на существование абстрактной и множества реальных систем уголовно-

процессуальных принципов. А. В. Смирнов, анализируя модели уголовного процесса, констатирует, что каждый тип судопроизводства (состязательный и розыскной) имеет свою систему принципов¹⁴. При этом каждый тип судопроизводства распадается на виды, образуя видовые системы принципов. Указанные исследования должны опираться на критерии образования таких систем. У А. В. Гриненко и А. В. Смирнова такие критерии недостаточно точно определены. А. В. Гриненко говорит о критериях для норм, которым они должны соответствовать в случае образования какого-либо принципа. А. В. Смирнов, исследуя системы принципов судопроизводства, не определяет четко тех требований, в соответствии с которыми то или иное положение включено им в систему принципов, в частности публично-искового процесса как вида состязательного процесса. Отсутствие таких критериев приводит к непониманию позиции автора о включении, например, в систему межотраслевых принципов оценки доказательств по внутреннему убеждению, процессуальной экономии, авторитетности состоявшегося по делу судебного решения, а в число отраслевых уголовно-процессуальных – принципа привилегии защиты.

Хотя А. В. Гриненко по этому поводу отмечает, что возможно любое наименование и количество принципов при условии способности системы принципов обеспечить достижение цели производства по делу, отсутствие критериев в формулировках указанных авторов подтверждает убедительность позиции В. Н. Бибило по вопросу о системе принципов правосудия по уголовным делам. Она указывает, что, конструируя систему принципов правосудия по уголовным делам, следует к числу ее структурных элементов относить такие принципы, без которых сама система не может существовать. А при решении вопроса о том, относится ли то или иное положение к принципам правосудия по уголовным делам, необходимо руководствоваться следующими критериями: принцип должен отражать природу правосудия, находиться в соответствии с его существом, иметь уголовно-процессуальное, а не общеправовое значение, выражаться в нормах права или вытекать из них, действовать на всех этапах правосудия, обладать качественной определенностью и завершенностью¹⁵.

Анализируя содержание гл. 2 УПК Республики Беларусь «Задачи и принципы уголовного процесса», видно, что в ней закреплены неравнозначные по своему содержанию правовые положения. Наряду с задачами (ст. 7 УПК), принципами (ст. 10–18 и др.) содержатся такие положения, как оценка доказательств по внутреннему убеждению

(ст. 19 УПК) и прокурорский надзор в уголовном процессе (ст. 25 УПК). С. В. Борико, не определяя правового значения ст. 25 УПК, относит оценку доказательств по внутреннему убеждению к специальным принципам уголовного процесса. Такой же позиции придерживается А. В. Смирнов с той лишь особенностью, что рассматривает оценку доказательств по внутреннему убеждению (или свободную оценку доказательств) в числе межотраслевых принципов, характерных не только для уголовного, но и для гражданского процессов¹⁶. Обосновывая свою позицию, А. В. Смирнов приходит к интересному выводу: «В принципе свободная оценка доказательств не терпит какого-либо внешнего воздействия. Убеждение называется внутренним не только оттого, что зреет в сознании оценивающего субъекта (это только предубеждение), – оно внутреннее главным образом потому, что единственным убежищем, внутри которого скрыта истина, служит наличная совокупность доказательств»¹⁷.

Но, несмотря на это, причисление к числу принципов уголовного процесса оценки доказательств по внутреннему убеждению произведено указанными авторами без всяких оснований. В. Н. Бибило обращает внимание на то, что уголовно-процессуальные нормы разнообразны по своему характеру, их можно разделить на общие и конкретные. С помощью общих норм отражаются задачи, принципы, презумпции, дефиниции, функции, а также статус участников процесса. Нормы-принципы отличаются от других норм уголовно-процессуального права содержанием и регулирующими свойствами, а также способами реализации¹⁸.

Не углубляясь в определение понятия «принцип» вообще, его сущности, на основе которых то или иное правовое положение должно относиться к системе принципов, следует отметить, что положение ст. 19 УПК вытекает из более широкого требования, предусмотренного ст. 110 Конституции о независимости судей и подчинении их только закону. Такая позиция сформулирована Н. А. Громовым, В. В. Николайченко¹⁹. Прокурорский надзор хотя и действует на всех стадиях и по всем делам, но представляет собой также особый вид государственной деятельности, осуществляемый в строгом соответствии с теми же принципами уголовного процесса. Как вид деятельности, процессуальная функция, этот надзор не может превращаться в правило деятельности, в принцип процесса.

В связи с отнесением некоторыми авторами к числу принципов всех нормативных положений в соответствии с закреплением их в за-

конодательстве обоснованным является вывод В. Н. Бибило о том, что «решающую роль при отнесении того или иного уголовно-процессуального положения к числу принципов играет содержание этого положения, а не способ его закрепления в нормативных актах»²⁰. В отличие от этого, С. В. Борико все положения гл. 2 УПК относит к числу принципов уголовного процесса, за исключением ст. 7, которая прямо озаглавлена «Задачи уголовного процесса».

Уголовное судопроизводство – сфера деятельности, где возникшие конфликтные ситуации в большей степени затрагивают права и интересы человека. Для определения системы принципов правосудия по уголовным делам следует проанализировать, как реализуются в уголовном судопроизводстве правовые нормы о защите прав и интересов человека. К числу принципов безосновательно относить все или почти все положения, содержащиеся в Конституции. В число принципов не должны включаться хотя и важные, но совершенно очевидные и бесспорные требования, одинаково касающиеся всех сторон человеческой деятельности²¹. В число принципов правосудия по уголовным делам не подлежат включению положения, имеющие не уголовно-процессуальный, а общеправовой характер.

Обращением к личности, к конкретному человеку пронизано содержание раздела 2 Конституции Республики Беларусь «Личность. Общество. Государство». Исследуя конституционные основы судебной власти в Республике Беларусь, И. И. Мартинович подчеркивает, что Конституция закрепила на самом высоком юридическом уровне основные демократические начала судебной власти, приоритет прав человека²². В частности, каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь (ст. 28); на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод (ст. 62) и др. Под понятием «каждый» имеется в виду то, что названные в Конституции права не дарованы Конституцией, а принадлежат каждому от рождения и не могут быть отменены или ограничены, а лишь защищены, обеспечены государством. Там, где речь идет о правах человека, Конституция использует формулировки: «каждый имеет право», «каждому гарантируется». Это подчеркивает признание прав за любым человеком, находящимся на территории Беларуси, независимо от того, является ли он гражданином Беларуси, или иностранным гражданином, или лицом без гражданства.

Из анализа содержания УПК Республики Беларусь видно, что Конституция предоставляет определенные права и защищает закон-

ные интересы более широкого круга субъектов, адресуя их «лично-сти» или «каждому». Уголовно-процессуальный кодекс (в ст. 10 и ст. 20) сужает эти конституционные положения применительно к гражданству. Причиной такого закрепления может быть неуделение должного внимания правовому значению термина «гражданин» при конкретизации конституционных положений в УПК.

При характеристике правового статуса личности в законодательстве и в литературе речь идет о правах, свободах и законных интересах. В историческом плане права человека возникают вместе с самим человеком, тогда как их письменное выражение происходит значительно позже. От рождения человек обладает такими правами, как право на жизнь, на физическую и моральную неприкосновенность, на личную свободу и т. д. Эти права получили название «естественные», т. е. права, которые не предоставляются человеку государством, властью, законом²³. Они осуществляются независимо от признания их тем или иным государством. Исходя из определений в общей теории права, субъективное право следует понимать как предусмотренную юридической нормой меру возможного поведения участника правоотношения. Субъективное право включает в себя совокупность наличных прав субъектов права, меру их возможного поведения или масштаб свободы, создающий возможность действовать в своих интересах, а также права и свободы, которые официально признаны государством, защищаются и охраняются им²⁴.

В уголовном процессе должны охраняться не только субъективные права личности, но и законные интересы. Законодатель не разъясняет термин «законный интерес», но это понятие не тождественно понятию «субъективное право» (первое включает в себя объем второго). П. Мытник, изучая уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов потерпевшего, указывает, что если рассматривать законные интересы личности в уголовном процессе в целом, то «такими являются интересы, закрепленные в законе, а также те, которые хотя и не предусмотрены конкретной правовой нормой, но вытекают из закона, соответствуют ему». Под законными интересами личности в уголовном судопроизводстве как под элементом правового статуса следует понимать «объективно обусловленные социально-правовой действительностью, но не опосредованные субъективными правами и обязанностями, а дозволенные в иной правовой форме, либо вовсе не нашедшие отражения в законе, но не противоречащие нормам уголовно-процессуального права и общеправовым принципам, стремления и

желания участников уголовного судопроизводства достичь социально значимых и полезных для них результатов»²⁵. В. М. Корнуков исходит из того, что под оболочкой субъективных процессуальных прав и обязанностей личности скрыты ее интересы, которые обеспечиваются этими правами и обязанностями²⁶.

Но по содержанию процессуальные интересы не совпадают с субъективными уголовно-процессуальными правами и обязанностями. Это происходит с наиболее существенными интересами личности, необходимость защиты и осуществления которых диктуется не только ими самими, но и интересами правосудия. К числу таких интересов относятся, например, стремление сохранить личную свободу, телесную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, желание общаться на родном языке, иметь возможность пользоваться услугами защитника, представителя для восстановления нарушенных интересов и т. д. Сущность этих и других законных интересов вытекает из Конституции, всей системы уголовно-процессуальных норм и опосредуется через субъективные права и обязанности личности.

Конституционные положения о взаимоотношениях личности с государством, его органами служат своего рода несущей конструкцией, на основе которой формируются соответствующие институты и нормы всех отраслей права. Отраслевые права и обязанности, гарантии их осуществления и исполнения представляют собой определенным образом воспринятые, развитые и одновременно конкретизирующие соответствующие конституционные положения. Отраслевое законодательство ориентируется лишь на те положения Конституции, которые для него имеют значение, распространяются на предмет, им регулируемый. Многие конституционные нормы, закрепляющие статус личности, имеют всеобщий, универсальный характер, распространяются на отношения, регулируемые нормами всех отраслей права. К их числу относятся: нормы о равенстве всех перед законом, положения, обязывающие уважать личность, охранять права и свободы и др. Уголовно-процессуальное право в регулировании положения личности в сфере уголовно-процессуальных отношений исходит из конституционных положений о неприкосновенности личности, жилища, о тайне личной жизни, переписки, телефонных и иных сообщений, норм, предусмотренных гл. 6 и 7 Конституции, прямо относящимися к правосудию и прокурорскому надзору в уголовном процессе. Из этого не следует, что определенные конституционные нормы перестают быть общеправовыми положениями.

В ст. 11 УПК закреплён общеправовой принцип неприкосновенности личности. Ряд авторов включают это положение в систему специфических принципов, действующих в уголовно-процессуальной сфере²⁷. Основой для уголовно-процессуального законодательства является ст. 25 Конституции, которая гласит: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и в порядке, установленных законом. Лицо, заключённое под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста. Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам»²⁸.

Сфера применения этого положения не ограничивается уголовным судопроизводством. Человек нуждается в неприкосновенности личности повседневно. Правовая сущность неприкосновенности личности обусловлена её социальной значимостью. Конституция СССР 1936 г. закрепила неприкосновенность личности как одно из важнейших положений, характеризующих правосудие. С этого момента неприкосновенность личности приобрела статус конституционного принципа.

Однако требование об обеспечении неприкосновенности личности не ограничивалось только сферой правосудия и уголовного процесса. Оно мыслилось как всеобщее требование во взаимоотношениях государства и личности. Исходя из этого, Конституция СССР 1977 г. поместила его в разделе, закрепляющем основы взаимоотношений государства и личности, возведя тем самым в ранг общегосударственного принципа. В Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями 1996 г.) неприкосновенность личности также закреплена в разделе «Личность. Общество. Государство». Следовательно, конституционное требование о неприкосновенности личности является всеобщим, универсальным, распространяющимся на все взаимоотношения государства и личности.

По своей сущности принцип неприкосновенности личности означает определенный режим взаимоотношений между государством и личностью, исключающий необоснованное стеснение, ущемление свободы личности. При этом принцип неприкосновенности ограждает личность от всяких воздействий как со стороны отдельных членов общества, так и организаций и самого государства. Неприкосновенность личности не ограничивается только неприкосновенностью физической свободы, а включает в себя многие другие аспекты личной

свободы человека: личную безопасность, сохранение здоровья, свободу передвижения, выбора места жительства и т. д. Все эти социальные блага находятся под защитой принципа неприкосновенности личности. Их ущемление, ограничение возможно различными способами, а не только посредством ареста лица, как о том можно судить по тексту ст. 25 Конституции.

Действие принципа неприкосновенности личности не связано с процессуальной ролью личности. С позиции уголовно-процессуального права данный принцип лежит в основе всех отношений суда, прокурора, следователя, органа дознания с участниками процесса и выступает правовой преградой для незаконного, необоснованного стеснения свободы, прав, интересов личности не только при аресте и при обыске, выемке, освидетельствовании, получении образцов для сравнительного исследования, задержании, приводе, но и в других случаях применения принудительных процессуальных мер. Он ограничивает участников уголовного процесса от возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц, а также от посягательств отдельных лиц с целью вынудить их изменить показания, дать ложные показания, отказаться от участия в следственных действиях и т. д.

Принцип неприкосновенности личности не означает абсолютной свободы, абсолютной неприкосновенности. Законодательство устанавливает основания и порядок возможного ограничения отдельных аспектов проявления свободы личности. Данный принцип выражает не абсолютную неприкосновенность, а неприкосновенность в пределах, очерченных законом. Задачей уголовно-процессуальной науки является не определение пределов ограничения принципа неприкосновенности личности, а разработка в процессе раскрытия истинной сути и содержания данного принципа (применительно к уголовно-процессуальной деятельности) оснований, условий и порядка законного и обоснованного применения принудительных мер, связанных с ограничением свободы личности. Наделяя человека всей полнотой прав, Конституция одновременно с этим устанавливает, что использование этих прав не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан. Допускаемое в целях защиты интересов общества, государства и граждан ограничение свободы лиц, нарушающих эти интересы, есть гарантия свободы, действительной неприкосновенности личности в государстве, так как оно исключает возможность свободы одного за счет несвободы другого.

Исследование исторического аспекта конституционного положения о неприкосновенности личности, его сущности и реализации в уголовно-процессуальной деятельности показывает, что это конституционное положение следует понимать в широком смысле слова, так как оно выходит за рамки уголовного процесса и тем более правосудия по уголовным делам, и не придавать ему значения нельзя. Жизнь, здоровье, честь и достоинство человека должны находиться под охраной не только уголовно-процессуального закона, ибо одних уголовно-процессуальных средств недостаточно, чтобы в обществе гарантировать свободу личности. На это должно быть направлено право в целом. Уголовно-процессуальным правом охраняется лишь одна из сторон неприкосновенности личности, а остальные закреплены в уголовном, гражданском, административном и иных отраслях права. Правильным является вывод Ф. М. Рудинского о том, что неприкосновенность личности надо трактовать как закрепленное в Конституции субъективное право человека на государственную охрану от противоправных посягательств кого бы то ни было²⁹. В задачу государства входит убедить человека в том, что его личность неприкосновенна, а также гарантировать ее действительную неприкосновенность, так как государство является посредником между человеком и его свободой. В основе свободы личности лежит не отраслевой, а общеправовой принцип неприкосновенности личности.

К конституционным основам, в частности к неприкосновенности личности, и сегодня обращаются многие авторы. К. В. Акименко, рассматривая вопросы защиты прав лиц, совершивших нарушение закона и привлеченных к ответственности, указывает, что право лица на физическую свободу и неприкосновенность личности – право настолько необходимое, что в странах с развитой демократией его воспринимают как должное. Это право является стержнем любой системы правления, заявляющей об уважении верховенства права³⁰.

С конституционным положением о неприкосновенности личности тесно связаны другие общеправовые принципы и прежде всего – охрана личной жизни (ст. 28 Конституции, ст. 13 УПК), уважение чести и достоинства личности (ст. 28 Конституции, ст. 12 УПК), неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан (ст. 29 Конституции, ст. 14 УПК). Требование об обеспечении неприкосновенности жилища имеет отдельную формулировку и в Конституции, и в УПК. О его взаимосвязи с неприкосновенностью личности будет сказано несколько позже.

Что же касается охраны личной жизни, уважения чести и достоинства личности как двух самостоятельных положений в УПК, уместно сказать следующее. В научной литературе эти положения рассматриваются в качестве отдельных принципов. УПК Республики Беларусь (1999 г.) закрепил эти положения в ст. 12 и 13. Л. Л. Зайцева, указывая на изменения в системе принципов, называет появление в УПК такого принципа, как уважение чести и достоинства личности (ст. 12)³¹, хотя в Конституции все эти положения закрепляет ст. 28, не имеющая в своем содержании термина «уважение» чести и достоинства. В ст. 28 Конституции сказано: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательств на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство». УПК при формулировке принципов, видимо, исходит из смысла данной конституционной нормы и законодательства в целом.

Действительно, в ст. 28 Конституции содержится несколько важных для охраны с точки зрения права объектов, и в научной литературе предпринимались попытки их каким-то образом обобщить или разделить, т. е. вывести из конституционной нормы несколько положений, имеющих значение принципов. Л. Д. Кокорев выделяет общеправовой и процессуальный принцип гуманизма, который, по его мнению, выражен в конституционных нормах, установивших неприкосновенность личности, жилища, охрану личной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений, обязательств уважения личности, охраны ее прав и свобод, чести и достоинства³². В. В. Леоненко формулирует принцип уважения личности, чести и достоинства гражданина³³. Такие намерения обусловлены стремлением к законодательному и правоприменительному обеспечению неприкосновенности и других социальных благ личности, уважительного отношения к личности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. В. М. Корнуков резюмирует, что в обобщенном выражении конституционный принцип является комплексным, собирательным, объединяющим ряд относительно самостоятельных положений, важных с точки зрения непосредственно обеспечиваемых ими социальных благ личности; что для уголовного процесса эти положения играют принципиальное значение не только в своей совокупности, но и в раздельном варианте; что каждое из указанных конституционных положений закрепляет относительно самостоятельный аспект взаимоотношений государственных органов, должностных лиц и

участников уголовного процесса³⁴. Но при рассмотрении их сущности и значения автор не обходится без взаимосвязи этих положений. Он показывает содержание одних конституционных положений через закрепление и реализацию других.

Поэтому при всей обоснованности позиции В. М. Корнукова о самостоятельном значении всех этих конституционных положений более удобным для закрепления, понятным для разъяснения сущности этих конституционных положений как раз и является их комплексное изложение. Удачно сформулировал этот принцип С. В. Борико: «охраны личной жизни, телефонных и иных сообщений, чести и достоинства»³⁵. В данном случае в это понятие не включаются неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища и других законных владений как закрепленные в Конституции отдельно (ст. 25 и 29). С. В. Борико не воспроизводит конституционное положение дословно, а излагает его сущность в понятной и удобной форме. УПК же в ст. 12 и 13 исходит, видимо, из самостоятельного значения конституционных положений для уголовно-процессуальной деятельности, закрепив их в отдельных статьях кодифицированного нормативного акта. Такое закрепление не означает, что это два самостоятельных принципа.

Рассматривая вопрос о законодательном закреплении принципов, В. Н. Бибило правильно отмечает: «Можно назвать три способа фиксации принципов правосудия: 1) описание содержания принципа в норме-принципе и дальнейшая его детализация в конкретных нормах; 2) включение в текст конкретных правовых норм описания отдельных сторон принципа; 3) указание в общей правовой норме названия принципа или отдельных его сторон и раскрытие его содержания в других общих, а также конкретных нормах. При закреплении принципов правосудия в законах приемы законодательной техники имеют второстепенное значение. Важно, чтобы нормы права были адекватны по своей сути принципам правосудия как объективному явлению»³⁶.

Для определения роли конституционного положения об охране личной жизни в системе принципов права следует рассмотреть его сущность. Личная жизнь человека есть социальное благо, обеспечивающее ему возможность развития своей индивидуальности и удовлетворения своих личных потребностей. Основу содержания личной жизни человека составляют относительно обособленные явления личного характера: нравственные представления, отношения с близкими людьми, супружеские связи, религиозные убеждения. В более широ-

ком ее понимании сфера личной жизни охватывает возможность человека распоряжаться собой, своим жилищем, вещами и предметами, составляющими личную собственность и т. д. Личная жизнь граждан охранялась с помощью права и до принятия Конституции. Это осуществлялось путем правового обеспечения неприкосновенности жилища и тайны переписки, которые, по мнению некоторых авторов, выступают элементами личной жизни³⁷, а также путем прямого непосредственного включения в нормы права требований о соблюдении отдельных сторон собственно личной жизни гражданина. В уголовно-процессуальное законодательство с момента его принятия включалось правило о недопустимости разглашения сведений об интимных сторонах жизни участников процесса, об охране их чести, достоинства и здоровья.

С принятием Конституции СССР 1977 г. непосредственную правовую защиту получили все аспекты и стороны личной жизни. Личная жизнь – объект правовой охраны наряду с перепиской, телефонными и иными сообщениями. Между тем переписка, телефонные переговоры и телеграфные сообщения служат средством общения людей, в которых проявляется их личная жизнь. Поэтому переписка, телефонные и иные сообщения выступают объектами правовой охраны, поскольку через них проявляется личная жизнь. Термин «личная жизнь» в тексте закона рядом с перепиской, телефонными и иными сообщениями выделен отдельно потому, что личная жизнь не сводится только к переписке, телефонным и иным сообщениям. Она значительно разнообразнее по формам своего проявления. А потребность в указании на переписку, телефонные и иные сообщения обусловлена распространенностью этих средств общения людей, доступностью ознакомления с информацией, передаваемой с их помощью. Несколько своеобразная связь существует между личной жизнью и неприкосновенностью личности, неприкосновенностью жилища.

Неприкосновенность означает свободу личности (прежде всего физическую), в т. ч. и в личной жизни. В свою очередь, личная жизнь подразумевает неприкосновенность личности. Из сказанного следует, что неприкосновенность личности и охрана личной жизни взаимосвязаны единством своей основы, которая выражается в разных плоскостях человеческого бытия. Неприкосновенность личности хотя и означает охрану личной жизни, но прежде направлена на обеспечение личной безопасности. Охрана личной жизни представляет обеспечение жизнедеятельности человека в сугубо личных отношениях, но поскольку это предполагает неприкосновенность, то она направлена на

охрану и данного социального блага. Пребывая в такой связи, ни неприкосновенность личности, ни личная жизнь не охватывают и не подменяют друг друга.

Непременным условием обеспечения тайны личной жизни является неприкосновенность жилища. В то же время неприкосновенность жилища – это самое субъективное право, обеспечивающее не только сохранение тайны личной жизни, но и реализацию других институтов, непосредственно не связанных с личной жизнью. Но тайна личной жизни без неприкосновенности жилища, как и без обеспечения неприкосновенности личности, неосуществима в полной мере.

Все рассматриваемые конституционные положения тесно связаны не только между собой, но и с требованиями об уважении личности, обеспечении ее чести и достоинства. В них самих заключены и проявляются действительно уважительное отношение к личности, истинная забота о ее чести и достоинстве. Словесное оформление рассматриваемых положений различно. В одних случаях в законе говорится о неприкосновенности (неприкосновенность личности, жилища), в других – о тайне (тайна корреспонденции, телефонных и иных сообщений). Но это не меняет юридического существа заключенных в них требований. Во всех случаях требования закона означают недопустимость безосновательного вмешательства в личные отношения человека, ограничения физического и нравственного состояния личности, ее духовных потребностей и интересов.

Различия приведенных правовых формулировок обусловлены, по мнению В. М. Корнукова, различиями объектов охраны. «В первом случае ими являются не только духовные качества и нравственное состояние личности, но и ее физическая, телесная субстанция, во втором – только отношения духовного свойства. Поэтому в первом случае более точен термин “неприкосновенность”, во втором – “тайна”»³⁸. Хотя можно говорить об обеспечении неприкосновенности корреспонденции, телефонных и иных сообщений. «Тайна корреспонденции, телефонных и иных сообщений, – как правильно отмечает Ф. М. Рудинский, – означает недопустимость проникновения в сферу личной информации человека, получаемой различными способами (прикосновения к ней), и в этом смысле “тайна” есть логическое продолжение неприкосновенности личности»³⁹. Правовая охрана личной жизни означает: 1) недопустимость произвольного ограничения сферы и пределов личной жизни; 2) недопустимость постороннего вмешательства в личную жизнь; 3) запрет распространять сведения о ней.

Установленные законом правила, обеспечивающие тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, едины для всех лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве. Но техническое прослушивание телефонных переговоров доступно для широкого круга лиц, поэтому не следует думать, что тайна телефонных и иных сообщений нуждается в охране только от вмешательства должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Телефонные и иные сообщения нуждаются в охране от посягательств на их тайну прежде всего со стороны недобросовестных лиц, технически обеспечивающих осуществление такой связи. Требование об охране тайны телефонных и иных сообщений не допускает никаких действий, направленных на их прослушивание, и со стороны всех иных лиц. Конституционное положение о защите тайны телефонных и иных сообщений, с одной стороны, означает недопустимость каких-либо действий кого бы то ни было по прослушиванию телефонных переговоров, с другой – обязывает работников соответствующих организаций, которым по роду службы становятся известны телефонные и иные сообщения, не разглашать их содержание и сведения, касающиеся фактов места, времени и пр.

На обеспечение неприкосновенности жилища и иных законных владений указывает ст. 29 Конституции: «Неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан гарантируется. Никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли». Отсюда вытекает, что конституционное право на неприкосновенность жилища представляет собой право гражданина на государственную охрану его жилья от незаконных вторжений, обысков и других посягательств со стороны должностных и иных лиц.

Но указанным правом не исчерпывается все содержание требования о неприкосновенности жилища. Включая право на свободу распоряжаться своим жилищем, оно содержит в себе правовой запрет входить в жилище против воли проживающих в нем лиц при отсутствии к тому оснований, предусмотренных законом, и предполагает соответствующие обязанности государственных органов и должностных лиц. В структуре этого конституционного положения можно выделить следующие элементы: 1) право гражданина на свободное распоряжение своим жилищем, в т. ч. право разрешать другим лицам (должностным и не должностным) входить в него; 2) запрет, распространяющийся на всех должностных лиц, представителей государственных и общест-

венных организаций, других лиц, входить в жилище без разрешения гражданина, проживающего в нем; 3) обязательство государства обеспечить исполнение установленного законом запрета и возможность пользоваться соответствующим правом; 4) право соответствующих должностных лиц при наличии предусмотренных законом оснований войти в жилище вопреки воле проживающих в нем лиц; 5) обязанность должностных лиц, вошедших в жилище без согласия проживающих в нем лиц, обеспечить при этом соблюдение всех иных прав и свобод, предоставленных законом личности; 6) обязанность проживающих в жилище граждан не препятствовать основанному на законе действиям должностных лиц и выполнять их указания⁴⁰.

Под неприкосновенностью жилища в Конституции законодатель имеет в виду не физическую неприкосновенность соответствующего сооружения. Если бы право на неприкосновенность жилища сводилось к тому, что нельзя приводить в непригодность жилище, то для его защиты достаточно было бы норм, содержащихся в гражданском законодательстве, которые обязывали бы правонарушителя к возмещению вреда в полном объеме, и не было бы потребности фиксировать это в Конституции⁴¹. Неприкосновенность жилища надо понимать в ином плане – как элемент неприкосновенности личности⁴². Конституционное требование о неприкосновенности жилища распространяется на все сферы взаимоотношений государства и личности. Особую значимость оно приобретает в сфере уголовно-процессуальных отношений, поскольку именно в процессе уголовно-процессуальной деятельности чаще всего возникает необходимость проникновения в жилище граждан и совершения в нем необходимых действий.

Ввиду этого конституционное требование о неприкосновенности жилища является основой взаимоотношений органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, и участников процесса. Уголовно-процессуальное законодательство, текстуально воспроизводя конституционное требование о неприкосновенности жилища, регламентирует основания и порядок совершения действий, связанных с проникновением в жилище для отыскания, обнаружения и закрепления доказательств. В. Н. Бибило рассматривает неприкосновенность жилища и охрану личной жизни человека как основу общеправового принципа неприкосновенности личности⁴³. При этом, анализируя вопросы о взаимодействии социальных регуляторов правосудия, В. Н. Бибило полагает, что в УПК должна содержаться норма, которая отражала бы все аспекты неприкосновенности личности. Она может

формулироваться так: «Обвиняемому и другим участвующим в деле лицам гарантируется физическая, психическая и нравственная неприкосновенность»⁴⁴. Преломляясь в сфере уголовного судопроизводства, общеправовой принцип неприкосновенности личности не образует специфического принципа, а трансформируется таким образом, что растворяется в системе принципов правосудия по уголовным делам, которые в совокупности гарантируют его реализацию.

Исследуя вопросы о месте в системе принципов уголовного судопроизводства таких конституционных положений, как неприкосновенность личности, жилища, тайны корреспонденции, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, Н. А. Громов, В. В. Николаиченко приходят к выводу, что эти важнейшие атрибуты правового статуса личности в обществе, ограждающие субъективные права и свободы человека от незаконного ограничения, находят выражение в уголовном судопроизводстве главным образом в системе твердых процессуальных гарантий, состоящих в том, что арест обвиняемого, обыск, наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее из почтово-телеграфного учреждения не могут быть произведены при отсутствии установленных законом оснований.

Поэтому содержание и характер этих процессуальных гарантий не позволяет относить указанные конституционные положения к принципам узкой области уголовного судопроизводства⁴⁵. Они имеют общеправовой характер, реализуются во многих сферах государственной и общественной жизни. В целях охраны интересов государства и общества от преступных посягательств в сфере уголовного судопроизводства уголовно-процессуальное законодательство предусматривает определенные условия, при которых возможно отступление от этих гарантированных Конституцией субъективных прав, регламентирует порядок производства процессуальных действий и устанавливает дополнительные процессуальные гарантии проведения таких действий. Наличие этих гарантий нельзя рассматривать как конструирование самостоятельного принципа уголовного процесса. Честь и достоинство, права и свободы человека провозглашены высшими ценностями, и обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц – проявлять уважение к человеку, защищать его права и свободы.

Рассмотренные конституционные положения действительно имеют не узкоотраслевой, а многоотраслевой спектр действия. Анализируя конституционные гарантии института права на жизнь, отдельные

авторы относят к индивидуальным гарантиям этого права следующие конституционные положения: обязанность государства защитить жизнь человека от любых противоправных посягательств (ст. 24); обеспечить свободу, неприкосновенность и достоинство личности (ст. 25); обеспечить защиту человека от незаконного вмешательства в его личную жизнь (ст. 28); обеспечить неприкосновенность жилища и иных законных владений гражданина (ст. 29)⁴⁶. Это свидетельствует о том, что рассмотренные конституционные положения являются общеправовыми принципами. На них базируются исследования в различных областях общественных отношений. Они конкретизируются применительно к регулируемым отношениям, но остаются общеправовыми.

Принцип равенства всех перед законом и равенства защиты прав и законных интересов приобрел конституционный характер в результате его закрепления в ст. 22 Конституции: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». В УПК (ст. 20) этот принцип конкретизирован и сформулирован следующим образом: «Все лица, участвующие в процессе, равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту их прав и законных интересов». Центральным словом в этом конституционном положении является «равенство», при этом как перед законом, так и в отношении защиты прав и законных интересов. Причем в отношении защиты в Конституции имеется требование об обеспечении защиты прав и свобод личности (ст. 23), а в отношении судопроизводства ст. 115 Конституции закрепляет равенство сторон в процессе. В ст. 22 Конституции речь идет не о защите как таковой и не о процессуальном равенстве сторон в уголовном судопроизводстве, так как этому посвящены отдельные конституционные нормы, а об общем положении, гарантирующем равенство перед законом и при защите прав и законных интересов.

М. И. Абдулаев рассматривает конституционное положение о равноправии граждан как гарантию осуществления правосудия независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств⁴⁷. Закон исключает предоставление каких-либо льгот и преимуществ отдельным лицам при применении процессуальных норм. В основе этого положения лежит общеправовой принцип равноправия во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни. Данный принцип распространяется на любого

человека, будь то иностранный гражданин либо лицо без гражданства. В связи с включением рассматриваемого положения в раздел 2 Конституции «Личность. Общество. Государство» законодатель придал этому положению всеобщий характер, выведя его из сферы только судопроизводства. То, что в ст. 115 Конституции законодатель еще раз подчеркнул равенство сторон в процессе, свидетельствует об особой важности реализации этого принципа в судопроизводстве.

Истоками принципа равенства перед законом являются сложившиеся в обществе представления о справедливости. Оценка справедливости распространяется и на экономические отношения, нормы права, юриспруденции и нравственные категории, понятия морали, а также на конкретные действия как отдельных людей, так и целых коллективов, народов, государств. Принцип равенства перед законом и равенства защиты прав и законных интересов является показателем справедливости в обществе. Справедливость получает преломление в праве и выражается прежде всего в принципе равенства. Справедливость и право – связанные между собой явления. Справедливость отражается в праве, право согласуется с ней. Наиболее характерной чертой взаимодействия права и справедливости является их дальнейшее сближение, усиление согласованного воздействия на практику.

Равенство перед законом проявляется в равной обязанности всех подчиняться закону, нести равную ответственность за его нарушение. Это конституционное положение действует не только в уголовном процессе, но и в отношениях людей с другими государственными органами (а не только с судом, органом дознания, следователем, прокурором). Исключением из этого общего правила является, например, особый порядок привлечения к уголовной ответственности судей, прокурорских работников. Однако этот порядок не устанавливает привилегий для данных лиц, а содержит лишь гарантии для успешного осуществления ими своей деятельности. Если же они привлекаются к ответственности, то наделяются обычными процессуальными правами и обязанностями того или иного участника процесса. Равенство в уголовном процессе гарантировано едиными для всех участников процесса нормами процессуального закона и единым порядком судопроизводства. Принципу равенства не противоречит наличие правового статуса каждого участника процесса.

Статья 22 Конституции состоит как бы из двух частей: равенства перед законом и равенства защиты прав и законных интересов. Они объединены в одной норме и включаются в содержание одного прин-

ципа, так как речь идет именно о равенстве как при помощи применения закона, так и при защите прав и интересов. При рассмотрении вопроса о равенстве защиты прав и законных интересов правильным будет исходить из тех же основ, что и при рассмотрении равенства всех перед законом, т. е. независимо от социального и имущественного положения, места жительства и других обстоятельств, поскольку в ст. 22 Конституции законодатель говорит о взаимоотношениях государства и личности вообще, а не применительно к какой-то конкретной сфере деятельности. Равенство защиты следует рассматривать во всех областях взаимоотношений человека с государством. При этом защиту прав и законных интересов человека должны обеспечить не только судебные органы, а все органы государства и их должностные лица, в полномочия которых входит решение вопроса, с которым для защиты своих прав и законных интересов обратился человек. Это могут быть органы здравоохранения, пенсионного обеспечения, страхования, таможенные, налоговые и другие органы. Все вышеизложенное подчеркивает, что принцип, сформулированный в ст. 22 Конституции, является всеобщим. Он – основа для широкого спектра взаимоотношений личности в государстве, а с позиции права – общеправовой и не может быть включен в систему принципов правосудия по уголовным делам как самостоятельный структурный элемент.

Конституция Республики Беларусь не только наделяет человека всей полнотой прав и свобод, но и гарантирует их осуществление. Главным гарантом охраны и возможности реализации предоставленных прав и свобод являются соответствующие обязанности государства и его органов. В ст. 23 Конституции говорится: «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». УПК в ст. 10 конкретизировал это положение, закрепив: «Суд, орган уголовного преследования обязаны обеспечить защиту прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, создавать предусмотренные настоящим кодексом условия для ее осуществления, своевременно принимать меры по удовлетворению законных требований участников уголовного процесса». Из этих законодательных положений выводится общеправовой принцип обеспечения защиты прав и свобод личности. Правовой статус личности включает в себя право на защиту чести, достоинства, свободы и других интересов путем не только обращения в суд, но и использования администра-

тивно-правовых, гражданско-правовых, уголовно-процессуальных и других средств защиты.

В этом плане судебная защита – один из способов защиты интересов личности, а право на такой способ защиты – одно из полномочий права человека на защиту своих интересов, иными словами, часть целого. Из этого следует, что право человека на защиту своих интересов, являющееся составной частью его общеправового статуса, есть отражение соответствующего правового принципа, закрепленного в нормах Конституции. Этот общеправовой принцип служит базой для соответствующих отраслевых принципов, в т. ч. уголовно-процессуальных. В уголовном процессе права предоставлены не только обвиняемому, но и лицам, выступающим в ином качестве, например, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику. Органы, ведущие уголовный процесс, в равной мере обязаны обеспечить возможность осуществления прав всем этим лицам. Все участники процесса отстаивают то ценное для них, что нарушено или может быть нарушено в связи с совершением преступления и осуществляющимся производством по делу. Разница между ними заключается в сущности отстаиваемых ими интересов, прав и возможностей.

Всякая защита, в т. ч. и уголовно-процессуальная, представляя собой отражение, опровержение угрозы (обвинения), в конечном итоге всегда означает отстаивание, охрану интересов непосредственно подвергающихся угрозе и связанных с ними лиц. Законодатель наделяет каждого участника той совокупностью процессуальных прав и возможностей, которая необходима ему для отстаивания его интересов. Для каждого участника процесса его нарушенные интересы, если даже они по объему и содержанию охватываемых ими социальных благ самые незначительные, представляются не менее значимыми, чем более ценные интересы другого субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Он рассчитывает на адекватную защиту своих интересов. С позиции уголовно-процессуальной деятельности обеспечение защиты прав и свобод в равной мере относится ко всем участникам процесса. Согласно Конституции этот принцип направлен на защиту прав и свобод не только в сфере уголовного процесса или сфере судопроизводства, но и на его реализацию во всех областях деятельности личности, реализации ее прав и свобод. Об этом свидетельствует также содержание ст. 60–62 Конституции, которые закрепляют отдельные аспекты реализации рассматриваемого принципа.

Статья 60 Конституции указывает на защиту прав и свобод каждого человека компетентным, независимым, беспристрастным судом в определенные законом сроки, ст. 61 – на право каждого обратиться в международные организации в целях защиты своих прав и свобод, ст. 62 – на право каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод. Юридическая помощь, право на которую предусмотрено ст. 62 Конституции, может понадобиться не только в суде, но и в иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях, в отношениях с должностными лицами и гражданами.

Исходя из этого, конституционный принцип об обеспечении защиты прав и свобод имеет такую же широкую сферу для реализации. Права и свободы личности должны защищаться всюду и во взаимоотношениях со всеми органами и лицами. Из содержания Конституции вытекает, что право на защиту имеет каждый человек независимо от того, какие права его нарушаются – личные или имущественные. Закон говорит об обеспечении, о гарантии права на защиту самим законом. Принцип действует тогда, когда защита личности не носит декларативного характера, а надежно опирается на закон, деятельность других субъектов. В сфере правосудия по уголовным делам этот принцип лишь преломляется, не приобретая самостоятельного значения.

Таким образом, принципы уголовного процесса равновелики, и их иерархия недопустима с точки зрения закрепления в законодательстве. С учетом сферы регулирования общественных отношений функционируют общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы. Общеправовые принципы, преломляясь в сфере уголовного судопроизводства, не образуют самостоятельных структурных элементов в системе принципов правосудия по уголовным делам. Не включаются в систему принципов правосудия по уголовным делам, а являются общеправовыми принципами следующие положения: неприкосновенность личности; охрана личной жизни, тайны корреспонденции, телефонных и иных сообщений, чести и достоинства; неприкосновенность жилища и иных законных владений; равенство перед законом и равенство защиты прав и законных интересов; обеспечение защиты прав и свобод личности.

¹ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1; Якуб М. Л. О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса // Правоведение. 1976. № 1. С. 64; Давыдов П. М. Принципы советского уголовного

процесса. Свердловск, 1957; Петрухин И. П. Система конституционных принципов советского правосудия // Сов. государство и право. 1981. № 5. С. 82–83; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962.

² Колосова Н. М. Конституционное право граждан на судебную защиту их прав и свобод в СНГ // Государство и право. 1996. № 12. С. 33–40; Кивель В. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Судовы веснік. 1997. № 4. С. 48–49; Абдулаев М. И. Права человека и судебная власть (Россия) // Вестн. С.-Петербур. ун-та. 1999. Вып. 2. Сер. 6. С. 71–78.

³ Борико С. В. Уголовный процесс: Учеб. пособие. Мн., 2000. С. 21.

⁴ Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971; Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесса. М., 1983; Громов Н. А., Николайченко В. В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7. С. 33–40.

⁵ Гриненко А. В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. 2000. № 6. С. 181.

⁶ Там же. С. 184.

⁷ Уголовный процесс. Саратов, 1986. С. 68–70.

⁸ Тыричев И. В. Указ. соч. С. 10.

⁹ Борисов Г. А. Общие принципы социалистического строя и советского права. Харьков, 1977. С. 8; Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 59.

¹⁰ Строгович М. С. Указ. соч. С. 124; Якуб М. Л. Указ. соч. С. 64.

¹¹ Давыдов П. М. Указ. соч. С. 4–5; Петрухин И. П. Указ. соч. С. 82–83.

¹² Чельцов М. А. Указ. соч. С. 45.

¹³ Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Мн., 1986. С. 41.

¹⁴ Смирнов А. В. Указ. соч. С. 59.

¹⁵ Бибило В. Н. Указ. соч. С. 35.

¹⁶ Смирнов А. В. Указ. соч. С. 60.

¹⁷ Там же. С. 81.

¹⁸ Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. Мн., 2001. С. 156–157.

¹⁹ Громов Н. А., Николайченко В. В. Указ. соч. С. 33–40.

²⁰ Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. С. 20.

²¹ Там же. С. 23.

²² Мартинович И. И. О конституционных основах судебной власти в Республике Беларусь // Государство и право. 1995. № 7. С. 114.

²³ Божанов В. А. Конституция Республики Беларусь и права человека. Мн., 2001. С. 21.

²⁴ Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 113–114.

²⁵ Мытник П. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов потерпевшего (Беларусь) // Судовы веснік. 1997. № 1. С. 61.

²⁶ Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. С. 85.

- ²⁷ Нажимов В. П. Развитие системы демократических принципов советского уголовного процесса в свете новой Конституции СССР. М., 1978. С. 35; Михеенко М. М. Понятие и система принципов советского уголовного процесса // Проблемы правоведения. Киев, 1981. Вып. 42. С. 95.
- ²⁸ Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. Мн., 1997.
- ²⁹ Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград, 1976. С. 70.
- ³⁰ Акименко К. В. К вопросу защиты прав лиц, совершивших нарушение закона и привлеченных к ответственности // Науч. тр. Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь. Мн., 2001. Вып. 1. С. 355.
- ³¹ Зайцева Л. Л. Основные тенденции развития уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь // Науч. тр. Акад. упр. при Президенте Республики Беларусь. Мн., 2001. Вып. 1. С. 297.
- ³² Общественные и личные отношения в уголовном судопроизводстве. Воронеж, 1984. С. 87.
- ³³ Леоненко В. В. Публичность советского уголовного процесса и вопросы охраны прав личности // Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и охрана прав личности. Киев, 1983. С. 36.
- ³⁴ Корнуков В. М. Указ. соч. С. 150–151.
- ³⁵ Борико С. В. Указ. соч. С. 21.
- ³⁶ Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. С. 139.
- ³⁷ Красавчикова Л. О. Личная жизнь граждан под охраной. М., 1983. С. 16.
- ³⁸ Корнуков В. М. Указ. соч. С. 151.
- ³⁹ Рудинский Ф. М. Указ. соч. С. 19.
- ⁴⁰ Корнуков В. М. Указ. соч. С. 163–164.
- ⁴¹ Красавчикова Л. О. Указ. соч. С. 61.
- ⁴² Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. С. 33.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Бибило В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. С. 143.
- ⁴⁵ Громов Н. А., Николайченко В. В. Указ. соч. С. 38.
- ⁴⁶ Сивец С. Конституционные гарантии института «право на жизнь» // Судовы веснік. 1997. № 4. С. 51–53.
- ⁴⁷ Абдулаев М. И. Указ. соч. С. 71.